

отношение к культурным и духовным ценностям»⁸⁵. У либералов была одна надежда – на войну: именно во время войн все страны становятся взаимозависимыми и на первый план выдвигаются общечеловеческие ценности в качестве всеобщего и общезначимого регулятора общественных отношений. С этим они пришли к революционному взрыву февраля 1917 г. в Петрограде.

Материалы конференции помогают лучше понять происходившие с начала войны до падения монархии политические процессы, в которых в Феврале 1917 г. стихийно, независимо от чьей-либо воли проявилась равнодействующая единого социального протеста во имя мира и продолжения прогрессивного развития российского общества.

⁸⁵ Бердяев Н. Революция и культура // Полярная звезда. 1905. 22 декабря. С. 146–155.

Новая коллективная монография об истории и культуре средневекового Новгорода

Мария Графова, Павел Лукин

New book on the history and culture of medieval Novgorod

Maria Grafova (National Research University

Higher School of Economics, Moscow, Russia),

Pavel Lukin (Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences)

В последнее время история Новгорода оказалась в центре внимания не только отечественной исторической науки, но и международной медиевистики. Это нельзя считать случайным. Во-первых, постоянно расширяющийся объём источников (археологические находки, берестяные грамоты, эпиграфика, ганзейские документы, возрождённые из пепла в результате реставрационных работ памятники живописи) делает средневековый Новгород во многом уникальным объектом исследований не только в масштабах России. Во-вторых, своеобразный социально-политический строй Новгорода стал предметом острых дискуссий, в центре которых находится вопрос о его типологии, о том, можно ли его осмыслить в общеевропейском контексте, а именно – допустимо ли характеризовать его как коммунальный.

В 2015 г. под интригующим названием «Новгород, или забытая Россия. Торговая республика (XII–XIV вв.)» во Франции вышел коллективный труд, посвящённый различным аспектам истории Новгорода периода независимости (XII–XV вв.)¹. Редакторами тома выступили Ф. Фризон, переводчик и специалист по русской литературе, и Ольга Севастьянова, автор ряда работ по новгородской истории, защитившая по этой теме диссертацию в Цюри-

© 2016 г. М.А. Графова, П.В. Лукин

¹ Novgorod ou la Russie oubliée. Une république commerçante (XIIe–XVe siècles / Sous la direction de Ph. Frison et O. Sevastyanova. Charenton-le-pont: Le Ver à Soie, 2015. 461 p. Далее ссылки на рецензируемую книгу даются в тексте с указанием страницы.

хе у одного из лучших на Западе специалистов по русскому Средневековью проф. К. Гёрке. В числе участников проекта – представители разных стран (Франции, Великобритании, Финляндии, России, Польши, Австрии, Германии, США) и научных традиций. Ещё никогда история Новгорода не становилась объектом рассмотрения столь широкого и разнообразного авторского коллектива. Для зарубежной историографии такое издание уникально и, конечно, французские коллеги могут гордиться таким успехом. Если английские учёные совместно с российскими в последнее время выступили авторами сборников статей, посвящённых археологии Новгорода², а немецкий историк К. Цернак стал автором монографии о древнерусском и прежде всего новгородском вече, которую уже можно считать классической³, то французская историография до сих пор не могла похвастаться чем-то сопоставимым. Теперь можно уверенно говорить, что этого пробела больше не существует.

Учитывая уникальность столь объёмистого труда, хотелось бы подробно осветить его содержание. В книге 5 частей и 27 глав, посвящённых социально-экономическим проблемам (особенно торговым связям), взаимоотношениям Новгорода с соседями и партнёрами, его истории от зарождения до утраты независимости, культуре, религиозной жизни, некоторым категориям источников (новгородским летописям, берестяным грамотам) и даже таким «нетрадиционным» сюжетам, как женщины Новгорода и новгородский «миф», т.е. представлениям о Новгороде в общественной мысли России Нового и Новейшего времени. Центральное место занимают главы, посвящённые политическому строю Новгорода и попытке его теоретического осмысления в европейском контексте.

Книга написана прекрасным языком, снабжена качественными иллюстрациями и вполне доступна не только для специалистов, но и для более широкого круга читателей. Это важно для популяризации истории Новгорода и русской истории в целом среди франкоязычной аудитории, которая до сих пор не имела возможности ознакомиться на родном языке с новейшими достижениями в этой области. В то же время от популярности изложения никак не страдает серьёзность рецензируемого труда, снабжённого полноценным научным аппаратом и подробной библиографией.

Предисловие, написанное Ф. Мушаром, преподавателем Университета г. Ренна (Франция), автором вышедшей недавно интересной книги о смоленской княжеской династии⁴, представляет собой изящно написанное и хорошее введение в проблему (если не считать следования некоторым устаревшим стереотипам, вроде утверждений о торговле новгородцев мёдом, получаемым из «огромного северного леса», или о скандинавских торговцах, у которых «в течение всего средневекового периода» якобы была в Новгороде своя контора, р. 7).

Ранние скандинаво-новгородские контакты трезво и объективно освещены в главе, написанной финским историком Ю. Корпелой. В частности, применительно к пресловутому «варяжскому вопросу» подчёркивается неадекватность «национальной» терминологии по отношению к раннему Средневековью и

² Novgorod: the Archaeology of a Russian Medieval City and its Hinterland / Ed. M. Brisbane, D. Gaimster, L., 2001; The Archaeology of Novgorod in its Wider Context: A study of centre / periphery relations / Ed. by M. Brisbane, N. Makarov, E. Nosov. Oxford, 2012.

³ Zernack K. Die burgstädtischen Volksversammlungen bei den Ost- und Westslaven. Studien zur verfassungsgeschichtlichen Bedeutung des Veče. Wiesbaden, 1967 (Giessener Abhandlungen zur Agrar- und Wirtschaftsforschung des europäischen Ostens. Bd. 33).

⁴ Mouchard F. La Maison de Smolensk. Une dynastie princière du Moyen Âge russe 1125–1404. Paris, 2015.

предлагается говорить не столько о скандинавском влиянии на Русь, сколько об общей для балтийского региона материальной культуре (р. 47). Справедливо отмечена близость экономических и административных структур Новгорода и городских центров на балтийском побережье (р. 50). Очень свежи и интересны наблюдения автора о серьёзном влиянии, которое оказывало противостояние между Новгородом и Швецией на формирование приходской сети и образование монастырей в пограничных областях (р. 56–57). Важно и то, что Корпела использует в своём обзоре малодоступную для исследователей литературу на финском и скандинавских языках.

Фундированностью, чёткостью структуры и формулировок, обоснованностью выводов отличается глава о торговых и дипломатических связях между Новгородом и Западом (Е.Р. Сквайрс). Особенно важна характеристика той огромной роли, которую в отношениях между Новгородом и его главным западным партнёром, Ганзой, играл лингвистический фактор. В частности, интересен вывод о роли средненижнемецкого языка как средства, которое могли использовать ганзейцы для монополизации связей с Новгородом (р. 63).

В главе об отношениях Новгорода с Литвой (Л. Корчак) даётся сжатая, но ёмкая и достаточно точная характеристика их истории, начиная с первых контактов вплоть до падения Новгородской республики. Нельзя не отметить, впрочем, что глава эта носит скорее популярно-очерковый характер (достаточно сказать, что в научном аппарате представлено всего две сноски на литературу – книги Х. Пашкевича и С.К. Роуэлла).

Весьма точен и полезен выполненный Т. Штигльбруннером очерк топографии и демографии средневекового Новгорода. В нём учтены данные, в том числе археологические, полученные российскими и немецкими исследователями (К. Гёрке, Э. Мюле). Можно надеяться, что теперь зарубежные читатели будут исходить из более или менее выверенных оценок численности населения средневекового Новгорода, а не из фантастических цифр, до сих пор подчас появляющихся даже в серьёзной справочной литературе⁵. Оценки, приведённые в разделе Штигльбруннера – 10–15 тыс. человек для XII в., 25–30 тыс. – для XIV в., по-видимому, близки к реальности (хотя цифра 30 тыс. всё-таки кажется некоторым преувеличением)⁶. Правда, можно было бы отметить последние работы Г.Е. Дубровина, согласно которым два «поздних» новгородских конца, Плотницкий и Загородский, оформились только в конце XIII в., а не «в XII–XIII вв.», как пишет автор (р. 91–92)⁷.

Во второй части книги речь идёт о политической истории и политико-правовом строе Новгорода. В ней рассмотрены различные сюжеты: последствия присоединения Новгорода к Москве (Ф. Мушар); новгородское право (О.В. Мартышин и Ф. Фризон); история новгородского «младшего брата» – Пскова (Г. Пикхан). В целом эти главы удачны, особенно глава об экономике, написанная по материалам археологических исследований, в том числе новейших. В главе о праве заметна, впрочем, определённая формализация, свойственная юриди-

⁵ Ср., например: *Poppe A. Novgorod // Lexikon des Mittelalters. Bd. VI. München, 1993. Sp. 1306.*

⁶ См. также: *Лукин П.В. Население средневекового Новгорода по данным письменных и археологических источников // Русь в IX–X вв.: общество, государство, культура. Тезисы докладов международной научной конференции. Москва, 6–8 ноября 2012 г. М., 2012.*

⁷ См., например: *Дубровин Г.Е. О боярстве Плотницкого конца средневекового Новгорода // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2010. № 3(41).*

ческому подходу к истории. В частности, при обсуждении уголовных наказаний смешиваются наказания по решению суда и бессудные расправы, причём даже не ставится вопрос об эволюции новгородской правовой системы.

Наиболее значимое место в этой части книги занимают очерки, написанные одним из её редакторов – О.В. Севастьяновой. В той мере, в какой они излагают историю Новгорода и общепринятые научные представления о его социальной и политической структуре, их можно признать весьма полезными, особенно для читателей, не занимавшихся соответствующей проблематикой. Как ни странно, связной истории средневекового Новгорода до сих пор не написано (относительно недавно вышедший труд патриарха новгородоведения В.Л. Янина всё-таки представляет собой именно очерки новгородской истории, где сделан акцент на сюжетах, непосредственно им изучаемых)⁸. Разделы Севастьяновой отчасти заполняют эту лакуну.

Другое дело – собственные гипотезы автора, которые вплетены в ткань повествования и могут быть восприняты как нечто доказанное и естественное. Они часто любопытны. Представляется верным и имеющим важное значение, в частности, предположение о связи появления «печатей Великого Новгорода» с развитием во второй половине XIII в. представлений о его политической самостоятельности (р. 122, 126). В более общем плане верен и отстаиваемый автором взгляд на новгородский республиканский строй как на итог длительной эволюции, а не на нечто родившееся в «готовом» виде. Заслуживает внимания и акцент на конец XIV – первую четверть XV в. как на очень важный этап такой эволюции. Интересна характеристика государственного строя Новгорода как республики со смешанным политическим режимом, где различимы монархический (князь), аристократический (посадник, тысяцкий) и демократический (вече) элементы. Тем не менее с некоторыми оценками, высказанными Севастьяновой, трудно согласиться. Подробнее об этом будет сказано ниже.

В третьей части книги речь идёт о социально-экономической жизни Новгорода. Большой интерес представляет глава об экономике (Р.К. Ковалёв), написанная главным образом на основе свежего и достоверного материала, полученного в ходе археологических раскопок. Это обобщение будет представлять интерес и для отечественного читателя, вынужденного зачастую ориентироваться на традиционные оценки новгородского хозяйства, согласно которым суровые природно-климатические условия Новгородчины жёстко лимитировали её экономическое развитие. Теперь, благодаря археологическим исследованиям, выясняется, что мягкий микроклимат и плодородные аллювиальные почвы в районе Ильмена позволяли культивировать не только «серые хлеба», но и пшеницу, а также довольно широкий ассортимент овощей и фруктов (в том числе таких, как огурцы, тыква, чёрная смородина, вишня и слива). Новые данные позволяют представить исключительную роль, которую играли среди занятий новгородцев рыболовство, а среди пищи на их столе – разные виды рыбы. Из всех продуктов питания чаще всего в берестяных грамотах упоминается именно рыба. По-видимому, рыболовством в Новгородской земле занималась подавляющая часть сельского населения. А в XV в. появляются сведения о целых поселениях, специализировавшихся на таких промыслах (р. 200–201).

Очень чётко и структурированно обобщён богатый и сложный материал в главе об иноземных дворах в Новгороде (Е.Р. Сквайрс).

⁸ Янин В.Л. Очерки истории средневекового Новгорода. М., 2008.

В четвёртой части книги рассказывается о разных аспектах религиозной истории и богатейшего культурного наследия средневекового Новгорода. Музыкальная культура древнего Новгорода представлена в соответствующем разделе в широком археологическом и историческом контексте (автор – покойный В.И. Поветкин). Её история прослеживается в неразрывной связи с литературной традицией. Игра на музыкальных инструментах, сочинение и исполнение разнообразных песнопений по поводу религиозных или светских событий, а также былины были неотъемлемой частью жизни новгородцев. В разделе об искусстве Новгорода (С. Собкович) указаны основные его этапы и значительная часть памятников, что позволяет составить общее представление о предмете. Дано много правильных характеристик местной живописи (четкий контур, мощные силуэты, яркие цветовые пятна) и указано на её связь с византийской традицией.

В разделе, посвящённом культурным связям Новгорода с Западом (Е.Р. Сквайрс), рассматриваются сферы жизни города, в которых западное влияние было наиболее ощутимым. Подробно рассказывается о его проявлениях в устной и письменной языковой традиции, литературе и письменности в целом, в области материальной культуры и искусства, но прежде всего – в архитектуре.

Пятая часть книги посвящена теоретическому и даже историософскому осмыслению места Новгорода в европейской истории. Особое внимание привлекает глава, написанная крупным специалистом по истории городского строя в Центральной и Южной Европе Л. Штайндорфом, который пытается ответить на вопрос, можно ли считать Новгород коммуной западноевропейского типа, и соответствует ли он критериям устройства такой коммуны, разработанным М. Вебером и до сих пор (хотя и в модифицированном виде) используемым в историографии. Штайндорф уже не в первый раз высказывает мнение по этому вопросу⁹, и неудивительно, что вновь даёт на него, скорее, отрицательный ответ. В то же время представляется, что немецкий историк несколько смягчил свою позицию. Ведь тот факт, что западноевропейские современники Новгорода усматривали в нём нечто близкое к итальянским республикам и вольным городам, говорит сам за себя. По мере более углублённых исследований становятся всё более очевидными и «объективные» параллели между республиками Северо-Запада Руси и западноевропейскими городскими коммунами.

Говоря о невозможности рассмотрения социально-политического строя Новгорода как примера коммунального строя, историк ссылается на известную теорию, восходящую, по-видимому, к построениям О. Бруннера¹⁰, о том, что в русских городах не было политических и юридических структур, позволявших отличать горожан от крестьян (р. 355). Однако в Новгороде такие «структуры», безусловно, были. Полноправными новгородцами считались только члены кончанских организаций, а значит – только горожане. Сам «Господин Великий Новгород» осмыслялся как единство концов, а общая печать Великого Новгорода могла заменяться кончанскими печатями¹¹. Корректнее было бы говорить о том, что это разделение не получило теоретического осмысления, но такого осмысле-

⁹ Штайндорф Л. Правильно ли считать Новгород коммуной? // Споры о новгородском вече: междисциплинарный диалог. Материалы «круглого стола» (Европейский университет в Санкт-Петербурге, 20 сентября 2010 г.) СПб., 2012.

¹⁰ Brunner O. Europäisches und russisches Bürgertum // Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. 1954. Bd. 40.

¹¹ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.; Л., 1949. № 95, 96. С. 150–151.

ния в Средние века и Раннее Новое время не возникло и в западноевропейских коммунах, за исключением самых развитых из них – итальянских¹².

Вместе с тем необходимо признать правоту Штайндорфа в том, что Новгород (как и Псков) действительно не был коммуной *западноевропейского типа*. Правильнее говорить, полагаем, о том, что на Северо-Западе Руси под воздействием сходных с Западной Европой территориально-географических и социально-экономических факторов возникли политические организмы, социальный строй которых во многих отношениях оказался *похожим* на социальный строй средневековых европейских республик. В какой степени русские средневековые республики можно называть коммунами – вопрос неоднозначный и во многом зависящий от того, в рамках какой историографической традиции используется термин «коммуна».

Переходя к критической части рецензии, отметим, что больше всего вопросов вызывают разделы, написанные О.В. Севастьяновой. Декларируемый ею тезис об утверждении «суверенитета» Великого княжества Литовского (далее – ВКЛ) над Новгородом и Псковом при Ягайле, а потом Витовте (р. 32–34) опирается на косвенные данные и рассказы поздней «Хроники Быховца», представляющей собой III свод ВКЛ и написанной не ранее XVI в.¹³ «Хроника Быховца» возникла в кругу высшей знати ВКЛ, которая, несомненно, была заинтересована в обосновании исторического величия своего государства, но, разумеется, её тенденциозные оценки не могут восприниматься некритически¹⁴.

У ВКЛ в конце XIV – XV вв. действительно были определённые притязания на Новгород¹⁵. Однако даже во время ожесточённой борьбы с Москвой за Двинскую землю в 1397–1398 гг. новгородцы в принципе признавали своим сюзереном не литовского, а московского великого князя Василия Дмитриевича. Так, от имени Новгорода архиепископ Иоанн просит Василия, чтобы он «от своих мужии от волных нелюбье бы отложилъ, а принялъ бы еси въ старину»¹⁶. Как показано в работе К. Крупы, литовские династы в XIV–XV вв. «ездили на Ильмень как служебные князья, а не как наместники»¹⁷. И уж совсем нет оснований называть литовского князя Патрикия Наримановича «губернатором Ягайла в Новгороде» (р. 126, 153). Этому «губернатору» новгородцы сначала «даша» в кормление одни города и территории, а потом, когда проживавшее там население оказалось им недовольно, их «отъяша» и заменили другими¹⁸. В политико-юридическом плане не Новгород подчинялся Патрикию, а наоборот. Наместникам с конца XIII в. принадлежали в Новгороде те управленческие и судебные функции, которые до этого исполнялись самими новгородскими кня-

¹² Isenmann E. Norms and Values in the European City, 1300–1800 // Resistance, Representation, and Community / Ed. by P. Blickle. Oxford, 1997. P. 206–207.

¹³ Чамярыцкі В.А. Беларускія летапісы як помнікі літаратуры. Узнікненне і літаратурная гісторыя першых зводаў. Мінск, 1969. С. 180–183; Полехов С.В. Наследники Витовта. Династическая война в Великом княжестве Литовском в 30-е годы XV века. М., 2015. С. 48–49. Ср. критическую оценку достоверности известий «Хроники Быховца» о литовско-новгородских отношениях: Бернадский В.Н. Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.; Л., 1961. С. 205, сноска 30.

¹⁴ Полехов С.В. Указ. соч. С. 48.

¹⁵ См.: Пресняков А.Е. Лекции по русской истории. Т. II. Вып. 1. Западная Русь и Литовско-русское государство. М., 1939. С. 84–85; Бернадский В.Н. Новгород и Новгородская земля. С. 202–214; Krupa K. Książęta litewscy w Nowgorodzie Wielkim do 1430 roku // Kwartalnik Historyczny. 1993. № 1.

¹⁶ ПСРЛ. Т. III. М., 2000. С. 390.

¹⁷ Krupa K. Op. cit. S. 44–45 и passim.

¹⁸ ПСРЛ. Т. III. С. 379; Т. IV. Ч. 1. М., 2000. С. 339–341. См. также: Krupa K. Op. cit. S. 35–36.

зьями. Князья же, получавшие кормления в Новгородской земле, нанимались Новгородом в качестве военачальников (своего рода кондотьеров) и, как правило, существенной самостоятельной политической роли не играли¹⁹.

Противоречит концепции литовского «суверенитета» и обоснованная В.Л. Яниным гипотеза о системе параллельных кормлений, в рамках которой литовских князей (в том числе и Патрикия) контролировали другие приглашённые Новгородом князья: сначала представители белозёрского, а потом смоленского домов²⁰. Разумеется, с этой гипотезой можно не соглашаться, но её опровержения в тексте Севастьяновой нет.

Между прочим, в главе, написанной Л. Корчак, дана совсем другая и, как представляется, значительно более точная характеристика отношений между ВКЛ и Новгородом в XIV–XV вв.: Новгород использовал противоречия между Москвой и Вильно для утверждения собственной политической независимости и сохранения баланса сил в регионе (р. 71). Нельзя не признать, впрочем, что взгляд на Новгород не только с привычной для отечественных учёных «московской» точки зрения, но и с «литовской» может быть весьма плодотворен.

Сомнительным кажется и тезис Севастьяновой о том, что выражение «весь Новгород» появляется в летописях в конце XII – начале XIII в. и обозначает население, доброжелательно настроенное к владимирским князьям (р. 118). Так, в 1208 г.²¹ князь Мстислав Мстиславич Удатный, находившийся во вражде со Всеволодом Юрьевичем владимирским, кланялся святой Софии, гробу своего отца и «всѣмъ новгородьцемъ»²². Словосочетание «все новгородцы» конечно, не то же, что и «весь Новгород», но эти обозначения очень близки по смыслу. Зачем же представителю смоленского княжеского дома апеллировать к сторонникам своих соперников? Представляется, что хотя Севастьянова справедливо обратила внимание на такого рода словосочетания, в них надо усматривать не ситуативные обозначения групп сторонников тех или иных князей, а свидетельство формирования идентичности новгородского политического коллектива в целом²³. Это подтверждается и тем, что впоследствии такие обозначения фиксируются в официальных документах.

Вообще, сложно согласиться со стремлением Севастьяновой рассматривать любые аспекты социально-политической истории только через «княжескую» перспективу. Даже в появлении таких обозначений, как «житьи» и «чёрные люди», она видит княжеский «след». По её мнению, участие «чёрных» и «житых» в принятии политических решений свидетельствует о стремлении соперничающих правящих групп привлечь на свою сторону представителей этих социальных категорий (р. 125). Между тем в работах Янина уже давно было отмечено, что новгородские группировки, ориентировавшиеся на тех или иных князей, формировались отнюдь не по социальному, а по кланово-территориальному принципу, что, несомненно, является одним из самых бесспорных звеньев концепции учёного. В то же время Ю.Г. Алексеев в статье, на которую ссылается сама Севастьянова, убедительно показал, что формирование данных категорий явилось закономерным следствием эволюции и усложнения социальной структуры Новгорода. Ничего нового и исключительного в участии «житых» и «чёрных людей» в политической жизни

¹⁹ *Birnbaum H.* Lord Novgorod the Great: Essays in the History and Culture of a Medieval City-State. Columbus, 1981. P. 96–97.

²⁰ Янин В.Л. Новгород и Литва: пограничные ситуации XIII–XV веков. М., 1998. С. 90–101.

²¹ О дате см.: *Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С. 255–256.

²² ПСРЛ. Т. III. С. 51.

²³ См.: *Лукин П.В.* Новгородское вече. М., 2014. С. 253–273.

не было, просто раньше они (или, точнее, их предки) выступали под наименованием «меньшие» (в частности, в событиях 1250-х гг.)²⁴.

В очень ярко и даже публицистично написанной главе о вече надуманным выглядит вывод о значимости представлений об этом средневековом институте для всей русской историографии и общественной мысли XVIII–XIX вв. Севастьянова связывает с «вечевой теорией» и земскую реформу, и славянофильские теории, и идеи «соборности» русской религиозной философии, и стихи Ф.И. Тютчева об «особенной стати» России. Насколько нам известно, Тютчев «вечевой теорией» как таковой не интересовался. Зато А.К. Толстой, цитата из баллады которого использована в качестве эпиграфа к главе, действительно много писал о вече, Новгороде и очень высоко оценивал и то и другое. Однако как раз его очень своеобразные «аристократически-западнические» воззрения не имели ничего общего ни со славянофильством (к которому он относился весьма скептически)²⁵, ни с идеями Тютчева (на другое знаменитое «русофильское» стихотворение Тютчева, «Эти бедные селенья», Толстой написал довольно едкую эпиграмму²⁶). Во второй половине XIX – начале XX в. сторонниками земско-вечевой теории были как славянофилы, так и западники, это был, выражаясь современным языком, научный «мэйнстрим», в чём-то подобный *Gemeinfreienlehre* немецкой историографии. Стоило бы также оговориться, что Севастьянова отнюдь не является пионером в деле критики идейных оснований «вечевой теории», задолго до неё такую попытку предпринял немецкий историк К. Цернак, посвятивший этому специальную монографию²⁷, чем тогда вызвал острую дискуссию²⁸.

Не соответствует действительности утверждение Севастьяновой о том, что в XII в. новгородское вече созывалось только князьями (р. 145). Даже если учитывать лишь прямые упоминания веча, иначе дело обстояло в 1167 и 1193 гг.²⁹ Столь же неверно утверждение о том, что вечем в Ипатьевской и Лаврентьевской летописях могло именоваться «любое собрание» (*n'importe quelle réunion*); на самом деле в древнерусских источниках это почти исключительно политическое собрание горожан³⁰. Очень уязвима и методика работы автора главы: разные исследователи неоднократно подчёркивали, что исключать из анализа косвенные упоминания веча нельзя хотя бы по той причине, что есть параллельные известия об одном и том же событии, одно с упоминанием слова «вече», другое – без³¹. Центральная идея автора в разделе о вече заключается в том, что оно вплоть до XV в. созывалось только князьями и находилось под их контролем. Все летописные известия, подтверждающие эту точку зрения, Севастьянова признаёт вполне ясными и релевантными, а те, которые свидетельствуют об обратном, интерпретирует весьма своеобразно. Например, известие о вече во

²⁴ Алексеев Ю.Г. «Чёрные люди» Новгорода и Пскова (к вопросу о социальной эволюции древнерусской городской общины) // Исторические записки. Вып. 103. М., 1979.

²⁵ Ямпольский И.Г. А.К. Толстой // Толстой А.К. Сочинения. Т. I. М., 1981. С. 10.

²⁶ Толстой А.К. «Одарив весьма обильно...» // Там же. С. 108.

²⁷ Zernack K. Op. cit.

²⁸ См. о ней: Лукин П.В. Город и вече: социальный аспект (историографические заметки) // Cahiers du Monde Russe. Vol. 46. № 1–2. Janvier–juin 2005.

²⁹ ПСРЛ. Т. II. М., 1998. Стб. 537; Т. III. С. 231–232 (кстати, последнее известие – об избрании архиепископа Мартирия – О.В. Севастьянова игнорирует).

³⁰ Лукин П.В. О так называемой многозначности понятия «вече» в русских летописях. Домонгольское время // Неисчерпаемость источника. Сборник к 70-летию В.А. Кучкина. М., 2005.

³¹ См. об этом: Лукин П.В. Терминологический анализ: плюсы и минусы (по поводу монографии Юнаса Гранберга о древнерусском вече) // Средневековая Русь. Вып. 8. М., 2009. С. 241–243.

время похода на емь в 1228 г. комментируется очень скупо: «Неизвестно, был ли там князь» (р. 147). Это верно, но что вече действовало независимо от князя, вполне известно: на вече новгородцы решили убить некоего Судимира, и его спас князь, укрыв его у себя на корабле³². То же самое относится и к событиям 1255 г. В летописи говорится только: «И рекоша меншии у святого Николы на вѣчи». В литературе отсюда делался – впрочем, не вполне обоснованно – вывод (к которому присоединяется и автор главы) об обособленном от обычного вече «меньших» людей в 1255 г.³³ Но можно ли на этом основании судить, что вече было созвано посадником Онанией против «вячших» новгородцев? (р. 148). Да и как вообще такое могло быть, если посадники избирались исключительно из бояр, т.е. из «вячших»? Мы видим, как в жертву общей идее приносятся «неудобные» данные источников. В результате авторская концепция становится, несомненно, более чёткой и однозначной, но зато, используя терминологию К. Поппера, нефальсифицируемой, т.е. такой, которую опровергнуть невозможно в принципе³⁴, и не потому, что приводимые в её пользу данные абсолютно убедительны, а потому, что любому возражению противопоставляется интерпретация *ad hoc*. Причём, делая акцент на эволюции новгородского политического строя и характера веча, в частности, в направлении их постепенной институционализации, Севастьянова, на наш взгляд, права, но анализ следовало бы сделать менее односторонним и более нюансированным.

Если говорить о разделах, написанных другими авторами, то хотелось бы обратить внимание на следующее. В разделе об отношениях Новгорода с «северными странами» (Ю. Корпела) не вполне понятен выпад против «позднейшей русской историографии», которая приписывала Новгороду восточные (?) и русские черты. То обстоятельство, что основным его населением эпохи независимости были славяне, никак не противоречит типологической близости Новгорода и балтийских «торговых республик», а критика националистических тенденций историографии XIX–XX вв. должна быть более развёрнутой и аргументированной.

Утверждения автора о том, что в XIV в. Новгород экспортировал «меха, кожи и некоторые предметы роскоши, в частности, охотничьи соколов» (р. 53), неточны. Первые упоминания о русских кожах на западноевропейских рынках относятся к XV в. и очень редки даже для того времени. О вывозе такого экзотического товара, как охотничьи птицы, в источниках есть единичные упоминания, но говорить о том, что он занимал «центральное место в экспорте Новгорода», разумеется, нельзя. Зато воск, который, по мнению Корпелы, начал вывозиться «после XV в.», на самом деле составлял, наряду с пушниной, главную статью новгородского экспорта ещё в XIV в., о чём писала не только А.Л. Хорошкевич, но и до неё весьма подробно Л.К. Гётц³⁵.

Нельзя согласиться и с оценкой битвы на Чудском озере («Ледового побоища») как «малозначительного столкновения» (*échauffourée mineure*) (р. 55). В литературе неоднократно отмечалось, что такие факты, как захват кресто-

³² ПСРЛ. Т. III. С. 65.

³³ Паушто В.Т. В ущерб истине (по поводу книги о русском вече) // История СССР. 1968. № 5. С. 236.

³⁴ Поппер К. Логика и рост научного знания: Избранные работы. М., 1983. С. 62–65.

³⁵ Goetz L.K. Deutsch-Russische Handelsgeschichte des Mittelalters. Lübeck, 1922. S. 259–272, 277–278; Хорошкевич А.Л. Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой в XIV–XV веках. М., 1963. С. 121–159.

носцами Пскова, учреждение там орденской администрации и вообще столь глубокое их проникновение в Новгородскую землю накануне битвы, были беспрецедентны³⁶.

В очень качественном «топографическом» обзоре Т. Штигльбруннера обращает на себя внимание следующее противоречие. Автору не вполне удалось разобраться с весьма запутанной в историографии проблемой интерпретации размеров новгородских городских усадеб. В результате в его тексте представлены трудновосприимчивые оценки и трактовки, высказывавшиеся отечественными исследователями (подчас одними и теми же) в разное время. Между тем обращение к новейшим исследованиям показывает, что площадь новгородских усадеб могла быть очень разной, от 130 до 1 500 кв. м³⁷. Главное же в том, что этот материал не вписывается в предложенную в своё время В.Л. Яниным и Б.А. Колчиным «кончанско-сотенную» типологию³⁸, на которую сочувственно ссылается автор, зато хорошо соответствует картине, характерной для других древнерусских городов да и для самого Новгорода после присоединения его к Русскому государству³⁹.

Довольно поверхностен и, увы, значительно уступает давним работам К. Гёрке и Ю.Г. Алексеева⁴⁰ очерк М.К. Пола, посвящённый социальной структуре Новгорода. Не лишён он и неточностей. В частности, противоречит данным источников предположение о том, что «чёрные люди» могли быть свободными земледельцами (р. 241): все источники свидетельствуют о том, что они входили в кончанские организации и принадлежали к городскому политическому коллективу. Их политическое значение было, естественно, неизмеримо меньшим, по сравнению с боярами, но уравнивать их в политико-юридическом отношении со смердами, которые были объектом властвования и эксплуатации со стороны всего «Великого Новгорода» (в том числе и «чёрных людей»), принципиально неверно (ср. р. 242).

В разделах, посвящённых новгородскому искусству, также можно отметить некоторые спорные моменты. Прежде всего, уделено сравнительно мало внимания архитектуре; основные памятники приведены, но недостаточно охарак-

³⁶ См., например: *Кучкин В.А.* Александр Невский – государственный деятель и полководец Средневековой Руси // Отечественная история. 1996. № 5. С. 24–26; *Горский А.А.* «Всего еси исполнена земля Русская»: личности и ментальность русского Средневековья. Очерки. М., 2001. С. 70. В современной зарубежной монографии, специально посвящённой русско-ливонским отношениям в XIII в., несмотря на критику (отчасти вполне справедливую) тенденции доводить масштабы Ледового побоища до абсурда, отмечается, что события 1240–1242 гг. были «значительными» (*beachtenswert*) (*Selart A.* Livland und die Rus' im 13. Jahrhundert. Köln etc., 2007 (Quellen und Studien zur baltischen Geschichte. Bd. 21). S. 164–167).

³⁷ *Петров М.И., Сорокин А.Н.* О размерах усадеб древнего Новгорода // Новгород и Новгородская земля. История и археология (Материалы научной конференции. Новгород, 28–30 января, 1997 г.). Новгород, 1997. Вып. 11; *Khoroshev A.S., Sorokin A.N., Petrov M.I.* Property Layout in Medieval Novgorod in the Tenth to Fifteenth Centuries // *Novgorod: the Archaeology of a Russian Medieval City and its Hinterland* / Ed. by M. Brisbane, D. Gaimster. L., 2001 (The British Museum Occasional Paper. № 141). P. 23–25.

³⁸ *Янин В.Л., Колчин Б.А.* Итоги и перспективы новгородской археологии // Археологическое изучение Новгорода. М., 1978. С. 40–41; *Колчин Б.А., Янин В.Л.* Археологии Новгорода 50 лет // Новгородский сборник. 50 лет археологии Новгорода. М., 1982. С. 112–113.

³⁹ *Петров М.И., Сорокин А.Н.* Указ. соч.

⁴⁰ *Goehrke C.* Die Sozialstruktur des mittelalterlichen Novgorod // Untersuchungen zur gesellschaftlichen Struktur der mittelalterlichen Städte in Europa. Reichenau-Vorträge. 1963–1964. Sigmaringen, 1974 (Vorträge und Forschungen. Bd. XI) (эта важнейшая работа в главе М.К. Пола даже не упомянута); *Алексеев Ю.Г.* Указ. соч.

теризованы и не систематизированы, из-за чего не создаётся внятной картины эволюции новгородского зодчества. Не обозначено его место в широком древнерусском контексте, что помогло бы подчеркнуть своеобразие местной традиции. К примеру, как нам представляется, было бы уместно применительно к XII в. сравнение с памятниками архитектуры Суздальской земли, отличающимися богатым декором и стремлением к утончённому изяществу, никогда не свойственными Новгороду, который предпочитал лаконичную, строгую форму.

В тексте допущена неточность: указывается, что план Никольского храма на Ярославовом дворище «очевидно упрощён» (видимо, по сравнению с рассматриваемым в тексте выше Софийским собором) и представляет собой центральный купол, опирающийся на четыре столпа (р. 304). Не вполне понятно, о чём идёт речь. Никольская церковь на Дворище – пятиглавый шестистолпный храм (с нартексом), принадлежит к группе масштабных новгородских памятников XII в.⁴¹ Если имеется в виду, что церковь одноглавая, то это не соответствует действительности, хотя до реставрации в XX в. она долгое время стояла перестроенной в одноглавую⁴². Если же автор понимает, что глав всё-таки пять, то неясно, в чём «упрощение».

В главе упомянут факт массового церковного строительства во второй половине XIV – начале XV в. (р. 309), но мало сказано о формировании и развитии самой типологии многочисленных новгородских храмов, начиная с церкви Николы на Липне, первой каменной постройки после монголо-татарского завоевания. Этот тип небольшого четырёхстолпного одноглавого храма с одной апсидой историки архитектуры возводят к памятнику первой половины XIII в. – церкви Рождества Богородицы в Пыринском скиту⁴³. В рамках такой типологии, окончательно сложившейся к 1360-м гг., решение конструкции сводов, покрытия и декора бывало очень разнообразным. Кроме того, не совсем точно время, указанное автором раздела в качестве начала периода активного сооружения церквей: памятников первой половины и середины XIV в. в Новгороде тоже было много, просто их сохранилось меньше⁴⁴.

Почти полностью отсутствует в разделе информация о степени сохранности памятников и их реставрации, а это один из самых важных и актуальных вопросов. Упомянуты некоторые из древних фресок Софийского собора (пророки в барабане купола и фрески с Мартириевской паперти), но не сказано, во-первых, что они принадлежат к разным стадиям декорации, а во-вторых – что большая часть росписи не дошла до наших дней⁴⁵. О фресках церквей Спаса на Нередице (р. 306) и Успения на Волотовом поле (р. 310) сказано, что они утрачены, хотя в наше время благодаря усилиям реставраторов часть этих живописных ансамблей восстановлена и процесс подбора фрагментов продолжается.

⁴¹ *Раппопорт П.А.* Древнерусская архитектура. СПб., 1993. С. 55, 58. А.И. Комеч считает, что Никольская церковь соответствует киевскому типу церковного здания, выработанному к началу XII в. – четырёхстолпному храму с нартексом (т.е. с двумя дополнительными опорами, отделяющими нартекс) (*Комеч А.И.* Архитектура второй половины XI – первой четверти XII века // История русского искусства. Т. I. Искусство Киевской Руси IX – первой четверти XII в. М., 2007. С. 361–417, особенно: с. 398, 400).

⁴² Точнее, четыре малые главы были наполовину снесены и закрыты четырёхскатной кровлей (см. *Комеч А.И.* Указ. соч. С. 361–416, особенно: с. 402, сноска 118).

⁴³ *Раппопорт П.А.* Древнерусская архитектура. С. 134.

⁴⁴ Там же. С. 136.

⁴⁵ *Сарабьянов В.Д., Смирнова Э.С.* История древнерусской живописи. М., 2007. С. 86–87.

Фрески церкви Спаса на Ковалёве просто упомянуты в связи с иконографическим вопросом (р. 311), но об истории их утраты и уникальной реставрации ничего не сообщается.

В посвящённых живописи частях раздела недостаточно, на наш взгляд, говорится о контексте новгородского искусства — как древнерусском, так и византийском. К примеру, неоспоримо, что главное имя в художественной жизни Новгорода второй половины XIV в. — это Феофан Грек (р. 309), но не хватает информации о том, что искусство и Феофана Грека, и авторов фресок церкви Феодора Стратилата на Ручью, и, наконец, выдающегося анонима, расписавшего Успенскую церковь на Волотовом поле, — составляющие крупного художественного явления, характерного для всего византийского ареала и выразившего сущность нового богословского учения, исихазма, сформулированного в рамках придворной византийской культуры. Поразительные фрески Спаса на Ильине улице и Успения на Волотовом поле (к слову сказать, созданные на 15 лет раньше Феофановых) — не только результат личного озарения выдающихся художников, но и яркие проявления определённого стилистического направления в византийском искусстве той эпохи⁴⁶.

Спорно, как нам представляется, выглядят некоторые эпитеты. Вряд ли применимы к церковному искусству византийского ареала такие характеристики, как «правдоподобие изображения человеческого облика» (р. 311) и «психологизм» (р. 306). Средневековое по сути, оно едва ли в принципе соприкасалось с такими категориями, причём особенно это касается новгородской живописи XI–XII вв. Так, фрагмент фрески с историей Иова, сохранившийся в Николо-Дворищенском соборе, по мысли автора раздела, напоминает о «трагедии и вселенском сострадании» (р. 304). Однако не сказано о том, скорее всего, более важном для заказчиков, художников и зрителей обстоятельстве, что сцена представляла собой часть многослойного, с историческим и богословским контекстом⁴⁷, поучительного иконографического сопоставления двух сюжетов: «Богатый в аду» и «Иов на гноище». Особенно неожиданно характеристики «правдоподобия» и «психологизма» выглядят применительно к фрескам Благовещенской церкви в Аркажах (р. 306), монашески строгим, в своей намеренной неклассичности доходящим едва ли не до гротеска. Об иконе так называемого «Устюжского Благовещения» сказано (р. 307), что она есть «приглашение к молитвенному размышлению» (вероятно, так следует перевести слово *méditation*). Но это качество свойственно едва ли не любой иконе и вряд ли может служить оригинальной характеристикой.

В интереснейшем разделе о культурных связях между Западом и Новгородом сама постановка вопроса, подчёркивающая место последнего не только в экономическом, но и в культурном контексте Европы позднего Средневековья, не вызывает сомнений. Можно было бы сделать только небольшое дополнение, касающееся вопроса о влиянии европейской архитектуры на новгородскую. По прочтении соответствующих страниц раздела (р. 315–317) у читателя-неспециалиста может создаться впечатление, что имело место значительное воздействие готического стиля на русскую традицию. Безусловно, романо-готическое влияние заметно в фасадном декоре новгородских церквей начиная с конца XIII в., что отражает попадание православной архитектуры в орбиту западноевропейских стилей. Так, в облике церкви Николы на Липне присутствует единичный

⁴⁶ См., например: там же. С. 306, 308–309.

⁴⁷ Там же. С. 92.

пример конструктивного влияния западных образцов. Но в целом с точки зрения собственно стиля, плана, строительной техники, архитектоники ни романика, ни готика, судя по всему, не повлияли на развитие местной традиции⁴⁸. Стадиальное соответствие европейской церковной архитектуре может быть до некоторой степени прослежено только на уровне мотивов фасадной декорации, что, несомненно, само по себе является выразительным показателем культурных связей Новгорода с западными соседями.

Приходится отметить и недостатки иного рода, которые могли быть устранены при более тщательной редакционной работе с текстом книги. В разделах, написанных авторами, придерживающимися разных точек зрения на отдельные спорные вопросы новгородской истории, есть противоречия, иногда бросающиеся в глаза. В принципе, ничего страшного в этом нет, но редакторам следовало бы как-то критически осмыслить, оговорить это обстоятельство и уж во всяком случае устранить фактические противоречия и неточности (тем более в своих собственных текстах). В качестве примера можно привести сюжет о междоусобной борьбе, вспыхнувшей на Руси после смерти Владимира Святого. «С того времени мятеж Ярослава превратился в борьбу за трон в Киеве и верховную власть на Руси против Бориса, его сводного брата. После смерти Бориса продолжилась война против Святополка, двоюродного брата Святослава, овладевшего тронном, на который у него было больше оснований претендовать, чем у сыновей Владимира», — так излагает события Севастьянов (р. 110). Из контекста вроде бы следует, что войну начал Ярослав, продолжив тем самым инициированный им мятеж против собственного отца, потом он боролся с Борисом, а после его смерти воевал со Святополком. Идея о том, что именно Ярослав был убийцей Бориса (и Глеба) и основным виновником междоусобицы, уже неоднократно высказывалась в историографии⁴⁹: подразумевается, что на каком-то этапе развития летописной традиции подлинный ход событий был искажён, а Святополк Окаянный превратился из жертвы в преступника. Такая интерпретация по-своему логична, хотя и небесспорна (так как отдаёт предпочтение не русским источникам, чётко говорящим об убийстве святых князей Святополком, а неясным и отнюдь не более древним скандинавским свидетельствам). То же, что изложено в рассматриваемом разделе, предельно нелогично. Кому принадлежала «верховная власть» в Киеве после смерти Владимира? Борису? Но тогда в каких с ним отношениях находился Святополк, который, по мнению автора раздела, имел на Киев больше прав, чем Борис? Вероятно, был его противником? Но тогда получается, что Ярослав и Святополк находились в фактическом союзе? Однако из этого следует, что последний вполне мог быть реальным виновником гибели Бориса, и «русская историографическая традиция», которая квалифицировала Святополка как окаянного, в справедливости чего, как можно думать, сомневается автор (р. 110, сноска 217), не так уж и неправ?

Почему Святополк имел больше прав на киевский стол, чем его братья? Обычно считается, что благодаря своему старшинству среди сыновей Владимира. Но автор раздела придерживается другого мнения. Она признаёт его сыном

⁴⁸ Седов В.В. Церковь Николы на Липне и новгородская архитектура XIII в. во взаимосвязи с романо-готической традицией // Древнерусское искусство. Русь, Византия, Балканы. XIII век. СПб., 1997. С. 408–409.

⁴⁹ См., например: Михеев С.М. «Святополк сѣде в Киевѣ по отци: Усобица 1015–1019 годов в древнерусских и скандинавских источниках. М., 2009. Ссылки ни на эту, ни на предшествующие работы, обосновывающую такую точку зрения, в тексте Севастьяновой нет.

старшего брата Владимира (père de Sviatopolk), т.е. Ярополка Святославича, ставшего жертвой предыдущей княжеской междоусобицы. Но происхождение Святополка «от двух отцов» – версия русских источников, и внятно объяснена она может только в рамках одной из двух позиций: 1) это правда, но тогда нужно считать верными и другие свидетельства «русской агиографической традиции»; 2) это неправда и часть «чёрного пиара», который был применён против Святополка книжниками, воспевавшими его врага – Ярослава⁵⁰, но в таком случае рушится концепция автора раздела. То же, что в нём предлагается – типичная интерпретация *ad hoc*. И, наконец, последний вопрос: кто такой Святослав, двоюродный брат Святополка? Если считать Святополка сыном Владимира, то у него не было двоюродных братьев, поскольку родные братья Владимира – Ярополк и Олег – детей не оставили; во всяком случае, источникам они неизвестны. Если же считать Святополка (к чему, по-видимому, склоняется автор раздела) сыном Ярополка, то двоюродный брат по имени Святослав у него был – Святослав Владимирович, древлянский князь, согласно «официальной версии», одна из жертв (наряду со святыми князьями Борисом и Глебом) Святополка Окаянного. Непонятно, однако, в таком случае, зачем автор раздела делает акцент на этом князе, определяя известное (хрестоматийного Святополка Окаянного) через малоизвестное (Святослава Древлянского).

В очерке из пятой части, посвящённом новгородскому летописанию (Ф. Мусхар) справедливо говорится о том, что последние новгородские летописные памятники, содержащие достоверную информацию о периоде независимости республики – это летописи новгородско-софийской группы и связанные с ними тексты. В то же время в третьей части книги М.К. Пол без всяких комментариев и оговорок ссылается на позднюю Новгородскую III летопись (р. 235).

Обозначение «господин» применительно к Великому Новгороду последовательно передаётся по-французски, как *Dame* (очевидно, поскольку во французском языке город – *ville* – женского рода). Но «Господин Псков» в главе, написанной Г. Пикхан, почему-то назван *Messire Pskov*, т.е. оказался «мужчиной». У неискущённого читателя невольно может возникнуть соблазн поискать тут какой-нибудь гендерный подтекст.

Психологически понятно стремление Севастьяновой одним ударом разрубить «гордиев узел» проблемы загадочных «300 золотых поясов» из ганзейского документа 1331 г. Она усматривает в них материальные объекты – реальные предметы, собственно золотые пояса. Однако её перевод фрагментов документа, в которых такое словосочетание упоминается, неприемлем (р. 151). Средненижненемецкие фразы, «vnn sprach ene hedden vtghesant .CCC. guldene gordele» и «he dat seghede den dren hundert guldenen gordelen»⁵¹, нельзя понимать так, как хочет автор главы. Неодушевлённые золотые пояса не умеют никого посылать с поручениями и слушать, что им говорят. Примерно так же, как Севастьянова, предлагал понимать этот термин первый переводчик документа на русский язык А. Чумиков⁵², но ещё в дореволюционной литературе была показана невозможность такого перевода⁵³.

⁵⁰ Именно так – и в рамках своей концепции вполне логично – интерпретирует это С.М. Михеев (Там же. С. 82–86).

⁵¹ *Napiersky K.E. Russisch-livländische Urkunden* (=Русско-ливонские акты, собранные К.Е. Напьерским). СПб., 1868. S. 58, 59.

⁵² Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1893 г. Кн. I(164). М., 1893. Смесь. С. 1–8.

⁵³ См., например: *Ключевский В.О.* Боярская Дума древней Руси. М., 1909. С. 543–545.

Досадная неточность встречается в схеме новгородских органов власти (р. 143). В тексте книги русские термины «посадник» и «тысяцкий» передаются французскими обозначениями *prévôt* и *chiliarche* (последнее – удачно избранная калька с греческого χίλιαρχος). Но в схеме названия поменялись местами, в результате у читателей может возникнуть путаница.

В главе о новгородском вече так называемое восстание против Мирошкиничей датировано 1209 г., хотя оно имело место в 1207 г.⁵⁴ (правильная дата фигурирует в классических трудах В.Л. Янина). Встречаются и опечатки. Например, издатель записок де Ланнуа Ж.-К. Узо (Houzeau) назван «Музо» (Mouzeau, р. 238).

Если же оценивать книгу в целом, то её можно охарактеризовать как весьма успешный опыт описания различных аспектов истории Новгородской республики, удачно соединяющий серьёзное с научной точки зрения содержание и популярную форму подачи. Французские и франкоязычные читатели, интересующиеся средневековым Новгородом и его местом в европейском контексте, получили солидное введение в проблему. Интересна будет книга и для специалистов-новгородоведов: целый ряд её глав содержит новые данные и интерпретации.

Что касается места вышедшей книги в упомянутой дискуссии о типологии средневекового Новгорода, то оно неоднозначно. С одной стороны, авторы «центральных» её разделов склонны скорее скептически относиться к применению западноевропейской «коммунальной» терминологии к социально-политическому строю Новгорода и новгородским политическим институтам. С другой стороны, коллективная монография показывает, что позиции участников дискуссии не столь далеки друг от друга. Спор во многом идёт о понятиях («коммуна», «республика»), по существу же все учёные, серьёзно занимающиеся этой проблематикой, согласны в том, что изучать Новгород можно и нужно именно в европейском контексте.

⁵⁴ Бережков Н.Г. Хронология русского летописания. М., 1963. С. 255.